

БЕСЕДА М.С. ГОРБАЧЕВА с Р. РЕЙГАНОМ

Третья беседа

Утром 12 октября 1986 года

На беседе присутствовали министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе и госсекретарь США Дж. Шульц.

ГОРБАЧЕВ. Это наша третья встреча, господин Президент. Наши товарищи, принимавшие участие в заседании двух групп по подготовке директив – группы по вопросам контроля над вооружениями и группы по двусторонним вопросам, региональным проблемам и гуманитарным вопросам, – доложили мне об итогах проделанной работы. Вы тоже, наверное, получили соответствующий доклад от ваших представителей. Давайте начнем обмен мнениями. Я предлагаю начать Вам.

РЕЙГАН. Хорошо. У меня есть более или менее ясная картина того, как кончилось заседание группы по контролю над вооружениями. По другой группе, где с нашей стороны председательствовала Риджуэй, у меня полной картины нет. Но, я думаю, мы начнем с контроля над вооружениями.

Доклад этой группы, которая работала вчера вечером и сегодня ночью, в целом, за некоторыми исключениями, меня разочаровал. Но начну по порядку.

По стратегическим ядерным вооружениям мы можем констатировать определенную степень согласия, причем, существенную. С обеих сторон проявилось желание идти на компромисс. В общем это понятно, потому что это область, где мы работаем уже в течение длительного времени, накопили значительный опыт и хорошо представляем себе о чем идет речь. Мы согласились применять формулу 50-процентных сокращений по всему спектру этих вооружений. Такой подход может продвинуть вперед переговоры в Женеве, и обе стороны могут этим гордиться.

По ядерным средствам промежуточной дальности. Стороны обсудили ряд вопросов, включая ракеты меньшей дальности, срок действия

соглашения, проблему контроля. Эти вопросы могут быть далее обсуждены на переговорах в Женеве. Стороны не смогли решить проблему сокращения средств промежуточной дальности в Азии, хотя обсуждали ее весьма детально. Здесь, как мы видим, вопрос не технический. Напомню Вам, что американская сторона с самого начала внесла предложение о глобальном сокращении до нуля этих вооружений, то есть ликвидации целого класса оружия. Мы и сейчас считаем, что решение этой проблемы требует глобального подхода, глобального соглашения. Все это для Вас не новость, но мы не можем игнорировать наличие этой проблемы, если хотим двигаться вперед к сокращению вооружений. Я не могу допустить создания ситуации, при которой мы сократили бы эти ракеты до нуля в Европе и не произвели пропорциональных сокращений таких советских ракет в Азии. Вопрос здесь в ракетах СС-20. Они мобильны, могут легко перебрасываться с одного места в другое, их наличие оказывает влияние на наших азиатских союзников, не говоря уже о союзниках в Европе. Это тоже для Вас не новость. Но мы не можем сбрасывать со счета желание европейских и азиатских правительств добиваться глобального решения проблемы ракет промежуточной дальности. Они полностью поддерживают такую позицию, настаивают на ней в интересах своей безопасности. В своем письме ко мне Вы говорили, что решение вопроса о советских ракетах в Азии может быть найдено, если мы сократим или уничтожим ракеты промежуточной дальности в Европе. Таким образом, Вы тоже признаете, что решение может быть найдено на глобальной основе.

Мне предложили, если для вас не подходит глобальный нулевой вариант, промежуточное соглашение, которое предусматривало бы равные потолки для этих ракет СССР и США в Европе, если вести счет на боеголовки, и равные потолки в глобальном масштабе. Мы готовы согласиться на цифру по 100 боеголовок СССР и США в Европе, если мы сможем согласиться по другим аспектам проблемы, в частности о пропорциональных сокращениях боеголовок на советских ракетах в Азии, причем США имели бы право развернуть такое же количество боеголовок на своей территории. Мы можем

вести разговор о цифре 100 боеголовок в Азии, можем говорить о меньшей цифре, например, что-нибудь в районе 63, если исчислять пропорцию сокращения от сокращения этих ракет в Европе. Я готов принять цифру 100 в Европе, 100 в Азии и дать поручение участникам переговоров в Женеве выработать детали соглашения.

ГОРБАЧЕВ. Хочу уточнить американскую позицию. Вы согласны на 100 советских и 100 американских боеголовок на ракетах средней дальности в Европе, 100 боеголовок на советских РСД в Азии и право американской стороны развернуть аналогичное количество боеголовок на территории США. Правильно я Вас понял?

РЕЙГАН. Да, правильно.

Вопрос о космических и оборонительных вооружениях. Здесь у нас существуют разногласия, мы это признаем. Стороны не смогли прийти к соглашению. Я убежден, что не могу отойти от провозглашенного мною курса в области космических и оборонительных вооружений, я просто не в состоянии это сделать. Поэтому здесь можно было бы поручить участникам переговоров сконцентрироваться на трех критически важных вопросах. Два из них относятся к текущему моменту, а третий вопрос – скорее к перспективе. В каждом из этих вопросов мы готовы учесть ваши озабоченности, но ожидаем, что вы примете во внимание наши. Первый вопрос: как можно синхронизировать по времени действия в области создания стратегической обороны с осуществлением цели ликвидации баллистических ракет? Второй вопрос: каковы условия и временные рамки перехода к такому положению, когда стороны полагались бы на стратегическую оборону? Третий вопрос: какие действия и какие взаимные договоренности могли бы привести к постепенному переходу от Договора по ПРО к новой системе, основанной на стратегической обороне? Я понимаю, что по этим вопросам позиции наши далеко расходятся. Поэтому в качестве минимально возможного шага можно было бы поручить провести дополнительные переговоры и попытаться сблизить позиции.

Ядерные испытания. Я разочарован докладом группы по этому вопросу и надеюсь только, что результат отражает отсутствие воображения с одной или с обеих сторон. Вчера мы согласились с тем, что должны быть незамедлительно начаты переговоры. Мы согласились также в том, какой должна быть повестка дня, порядок ведения, конечная цель. Стороны не смогли только согласиться в том, как назвать эти переговоры. Я предлагаю отразить достигнутую между нами договоренность и согласиться немедленно начать переговоры по вопросам, касающимся ядерных испытаний. Эти переговоры должны проходить в увязке с решением задачи ликвидации ядерного оружия, и их конечной целью должно быть прекращение испытаний. В ходе переговоров могли бы быть обсуждены такие важные вопросы, как контроль, другие вопросы, существующие договоры в этой области. Что касается названия переговоров, то пусть каждая из сторон называет их как хочет. Это не так важно, когда у нас есть согласие о повестке дня и конечной цели переговоров. Давайте дадим соответствующие директивы.

ГОРБАЧЕВ. Я не совсем понимаю, что Вы имеете в виду.

РЕЙГАН. По этому вопросу стороны не смогли выработать единую приемлемую формулу. Позиции сторон все еще расходятся.

ГОРБАЧЕВ. Сформулируйте, пожалуйста, как Вы видите конечную цель переговоров по этому вопросу.

РЕЙГАН. США и СССР начинают переговоры по вопросам ядерных испытаний. Их повестка дня включала бы все аспекты испытаний, в том числе нерешенные вопросы, существующие договоры, контроль, потолки на мощность взрывов и другие. Эти переговоры шли бы совместно с поэтапной ликвидацией ядерного оружия и в конечном счете вели бы к прекращению ядерных испытаний.

Вот то, что можно сказать о работе группы по контролю над вооружениями. Во второй группе по тем вопросам, о которых мне известно, у нас достигнуто понимание, особенно позитивно выглядит желание сторон вести работу над термоядерным синтезом.

ГОРБАЧЕВ. Я могу высказать наше предварительное отношение к поставленным вопросам по трем затронутым Вами, господин Президент, проблемам. Вы разобрали в целом работу двух групп, сосредоточившись на группе по контролю над вооружениями. Хочу кратко напомнить наш подход к этим проблемам. **Мы считаем, что наши новые предложения, с которыми мы приехали на встречу в Рейкьявик, сформулированы с очень большим запасом конструктивности – и не в философском плане, а весьма реальном, практическом. Мы пошли на весьма серьезные уступки США в надежде все-таки сдвинуть с места переговоры по контролю над вооружениями и вплотную заняться сокращениями ядерных вооружений. Мое впечатление таково, что американская сторона не учитывает этой нашей позиции или, по крайней мере, как мы видим, ведет разговор в том ключе, в каком он шел на переговорах в Женеве. Я уже говорил об этом, повторю и сейчас: обсуждение проблем на переговорах и в других контактах между двумя сторонами не дало выхода из тупиковой ситуации. Советское руководство убеждено, что необходимо взглянуть на проблемы широким взглядом, проявить политическую волю и готовность к масштабным решениям, чтобы выйти из этого тупика. Этому, как мы считаем, отвечают вносимые нами крупные предложения, которые основаны на принципе равной безопасности. Того же мы ожидаем от США.**

Как я вижу, мы можем констатировать наличие согласия по проблеме стратегических ядерных вооружений в том, что принцип 50-процентных сокращений должен применяться ко всем компонентам стратегических сил – и по носителям, и по боеголовкам. Здесь мы учли озабоченности США.

По ракетам средней дальности мы ведем разговор о той сфере, где мы давно уже занимаемся переговорами, внимательно проработали все проблемы, затрагивающие США, Советский Союз, наших союзников. В наших предложениях, как представляется, мы приняли во внимание все озабоченности американской стороны. Что я имею в виду? Первое. Мы

оставляем в стороне английские и французские ядерные силы. Второе. Мы согласны заморозить ракеты с дальностью меньше 1000 километров и вступить в переговоры по этим ракетам. Третье. Мы признаем, что существует проблема размещения РСД в азиатской части, хотя, строго говоря, к Европе этот вопрос не относится. Но мы учли, что американская сторона настойчиво ставит этот вопрос и готова решать проблему РСД в Европе в увязке с РСД в Азии. Мы решили пойти навстречу американской стороне и готовы записать положение о том, что мы вступим в переговоры по этим ракетам.

Когда же выслушиваешь американские позиции, у меня складывается впечатление, что Президент, администрация США исходят из ложных предпосылок. **Вы и Ваше окружение считаете, что мы заинтересованы в ядерном разоружении больше, чем США, что если еще немного нажать на Советский Союз, то он сдастся и поднимет руки вверх. Это – опасное заблуждение. Ему не суждено сбыться. Вновь Вы говорите о каком-то промежуточном соглашении, на которое мы не согласны. Мы не пойдем на паллиативы. Мы хотим решения проблемы.**

Как я понял Вашу позицию, господин Президент, если бы нам удалось найти конкретное решение проблемы РСД в Азии, я имею в виду не только запись о переговорах, но конкретное решение, то Вы бы согласились на полное устранение советских и американских ракет, на нулевое решение в Европе. Правильно я Вас понимаю?

РЕЙГАН. Это будет зависеть от того, какие цифры ракет в Азии мы примем. Это оружие мобильно, для вас не составит трудностей перебросить его с одного места на другое. А у США в Европе не останется средств сдерживания при нулевом варианте от такого исхода. У вас останется 100 боеголовок в Азии, а наши ракеты будут выведены обратно в США. Таким образом, у вас будет преимущество 2:1 – даже нет, абсолютное преимущество, поскольку в Европе у нас будет нулевое сдерживание. Вы понимаете, что у нас есть друзья в Азии, есть друзья в Европе. К их числу принадлежат некоторые страны, с которыми вы также пытаетесь установить более хорошие

отношения. Что же плохого в том, что на эти страны не будет нацелено вообще никакого оружия?

ГОРБАЧЕВ. Господин Президент, в Ваших рассуждениях Вы, очевидно, забыли о существовании английских и французских ядерных сил, а они существуют и могут наращиваться. Когда мы говорим о нуле в Европе, мы фактически говорим о нуле для себя, для Советского Союза. Но если вдуматься, какой же это будет ноль для США, если остается ядерное оружие у союзников Соединенных Штатов, а мы свое ликвидируем? Вы отдадите себе отчет в том, на какой шаг, на какой риск мы идем ради достижения договоренности по средним ракетам?

Что касается азиатских ракет и возможности их переброски в Европу, то скажу откровенно, господин Президент, мне даже как-то неловко слушать это в разговоре на нашем уровне. Если мы заключим договоренность по РСД, то мы сможем обеспечить такое положение, чтобы эта договоренность не нарушалась. У наших сторон есть достаточные возможности для проверки и контроля, чтобы зафиксировать факт нарушения. Мы можем записать в текст договора, что даже единичный факт перемещения ракеты из Азии в Европу служил бы основанием для того, чтобы договор терял свою силу. Я не хотел этого говорить, но придется. Такие аргументы несерьезны, и давайте условимся не терять даром времени.

РЕЙГАН. Мы не рассматриваем английские и французские силы как часть НАТО. Эти силы существуют для обороны этих стран, их правительства об этом ясно заявляли. Они, видимо, не будут задействованы в случае, например, нападения на Западную Германию. Да и против этих сил у вас есть свое средство сдерживания в Европе – стратегическое оружие.

ГОРБАЧЕВ. Господин Президент, Вы говорите, что английские и французские ракеты не защищают Западную Германию. Ну, а кто защитит ГДР? А ЧССР, Румынию, Болгарию? Их кто защитит? Этот аргумент не срабатывает. Это первое. Второе. Я помню свою беседу с М. Тэтчер по вопросу об английских силах *(имеется в виду беседа 16 декабря 1984 года в*

загородной правительственной резиденции в Чекерсе), когда она пыталась обосновать мне примерно такую же идею, что это силы, независимые от НАТО. Я процитировал ей письмо, которое она направила начальнику Объединенного комитета штабов, где говорится, что она ценит проделанную американской стороной работу по переоснащению и модернизации английских сил, благодарит за это. Англичане не скрывают, что их силы интегрированы в НАТО. Это известно в Советском Союзе, это известно Вам. Мы не на пресс-конференции, а на беседе в узком составе, господин Президент, не надо заниматься банальностями, нам все известно относительно участия Англии и Франции в НАТО, мы знаем даже о том, на какие цели и кем нацеливается это оружие. Я говорю Вам об этом так откровенно, поскольку речь идет об исключительно серьезных, важных вещах.

РЕЙГАН. Мы с Вами – лидеры двух крупнейших ядерных держав мира. Наши ядерные силы находятся во всех районах Земного шара. По сравнению с нами силы других стран являются чисто оборонительными. Если мы с Вами придем к соглашению о начале сокращения и в конечном счете сведению к нулю ядерных сил, если мы будем стоять в этом вопросе плечом к плечу и говорить другим ядерным державам, что они должны так же устранить свое ядерное оружие, то я не думаю, чтобы кто-то из них ответил нам отказом.

ГОРБАЧЕВ. Я такого же мнения. Я хочу, чтобы Вы поняли, что **сейчас** **создалась, может быть, уникальная ситуация для американской администрации. Такого положения в том, что касается выдвижения Советским Союзом крупных компромиссных предложений, не было еще год назад, не говоря уже о двух-трех годах. Тогда у меня просто не было такой возможности. Не уверен, что она у меня останется через год или два-три. Что же будет, если мы не воспользуемся этой возможностью? Одно воспоминание о Рейкьявике – и больше ничего. Жаль, если все это будет упущено.**

РЕЙГАН. Я нахожусь в том же положении. Может быть, в скором времени у меня уже не будет таких полномочий, как сейчас. Почему бы не

воспользоваться имеющимся у нас временем и не внести вклад в создание мира, свободного от ядерной угрозы?

ГОРБАЧЕВ. Я считаю, что сейчас, когда я сижу напротив Вас, напротив Президента США, то я могу с чистой совестью и прямо смотреть Вам в глаза. **Мы привезли далеко идущие предложения. Я прошу Вас оценить это. Для достижения соглашения требуется одно – желание и с Вашей стороны.**

По средним ракетам повторяю еще раз. Мы готовы начать переговоры по ракетам в Азии. Мы готовы на советский и американский ноль в Европе, без учета английских и французских ядерных сил. Мы готовы заморозить ракеты с дальностью меньше средней и начать по ним переговоры. Мы принимаем во внимание все факторы, практически все ваши позиции, в том числе и по Азии. Мы готовы и здесь искать решение.

РЕЙГАН. Мы немного отвлеклись. Вы сказали, что готовы сокращать и ракеты в азиатской части. Рад слышать это.

ГОРБАЧЕВ. **Я только что суммировал нашу позицию: ликвидация всех РСД СССР и США в Европе, оставление в стороне английских и французских сил, замораживание и разговор о ракетах с дальностью менее 1000 километров, начало переговоров по ракетам в Азии. Скажу даже больше: вы выдвинули формулу – 100 боеголовок на советских ракетах в азиатской части СССР, и 100 боеголовок на ракетах США на американской территории. Для нас это означает сокращение наших ракет в несколько раз. Ну, ладно, если уж США решили все-таки предъявлять нам ультиматумы и не могут предложить нам ничего другого, то мы согласны и на такой вариант. Согласны, хотя мы видим, какова ситуация в Азии, что происходит в Японии, что происходит с вашим собственным присутствием в Тихом океане. Но мы делаем этот последний шаг с тем, чтобы показать серьезность нашего настроя. В этом случае, будете ли Вы готовы на советский и американский ноль в Европе?**

РЕЙГАН. Мы с этим согласны.

ГОРБАЧЕВ. Хорошо. Я все жду, когда же Вы начнете делать мне уступки. По первой и второй проблемам уступки – и весьма существенные – делал я. Вот сейчас я Вас проверю на третьем вопросе – вопросе о ПРО, посмотрю, намерены ли США идти на достижение соглашения.

Итак, Договор по ПРО. Можно считать, что мы в принципе договорились о 50-процентных сокращениях стратегических ядерных сил СССР и США. Мы договорились ликвидировать ядерные РСД в Европе, заморозить ракеты с дальностью меньше тысячи километров и начать по ним переговоры, иметь 100 боеголовок на ракетах в Азии – в несколько раз меньше, чем сейчас, – и 100 боеголовок РСД на территории США. Это беспрецедентные шаги с советской стороны. Они требуют очень ответственного, честного подхода на стадии их реализации. Они будут требовать очень строгого, жесткого контроля. Я Вам скажу прямо: **мы будем драться за контроль похлеще, чем делают это США. Мы начинаем шаги реального разоружения. Нам нужен контроль, мы не согласимся с сокращением стратегических вооружений и РСД без уверенности в том, что другая сторона строго выполняет свои обязательства.**

Раз мы согласились заняться глубокими сокращениями ядерных вооружений, то мы должны создать такое положение, при котором не то что фактически, но и даже в мыслях не должно быть сомнений в том, что другая сторона захочет поколебать стратегическую стабильность, обойти договоренности. А отсюда мы должны иметь уверенность в сохранении бессрочного Договора по ПРО. Вы, господин Президент, должны согласиться с тем, что раз мы идем на сокращения ядерного оружия, мы должны быть уверены в том, что США не делают ничего за спиной СССР, а СССР не делает за спиной США ничего такого, что поставило бы под угрозу интересы другой стороны, обесценило бы соглашение, создало бы трудности. А отсюда – ключевая задача укрепления режима ПРО. Мы предлагаем взять обязательство не использовать в течение 10 лет имеющегося у сторон права выхода из Договора по ПРО, а за это время укрепить Договор по ПРО. Когда мы

разрабатывали это предложение, то мы специально учитывали Вашу, господин Президент, приверженность идее СОИ. Мы согласны, решая вопрос о неиспользовании в течение 10 лет права выхода из Договора по ПРО, сделать запись о том, что лабораторные исследования в области СОИ не будут запрещаться, то есть программу СОИ в рамках лабораторных исследований мы не трогаем. Не думаю, что это положение сильно ограничило бы вас. Мы знаем, в каком состоянии находятся соответствующие разработки в США, знаем, что по двум-трем направлениям у вас наметились кое-какие выходы, знаем, да и сами кое-что делаем. Так что, лабораторная фаза не должна Вас стеснять. А 10 лет неиспользования права выхода из Договора по ПРО необходимы для создания уверенности в том, что, решая проблему сокращения вооружений, мы сохраняем безопасность каждой из сторон, не допускаем попыток получения односторонних преимуществ путем развертывания космических систем. Политически, практически и технически никакого ущерба для каждой из сторон здесь нет.

РЕЙГАН. США никогда не нарушали Договор по ПРО. Мы не разместили ни единой противоракеты, разрешенной этим Договором. Советская же сторона сделала больше, чем позволено по Договору по ПРО. Что касается СОИ, то, выдвигая программу стратегической обороны, мы преследуем цель сохранения мира и достижения разоружения. Мы предлагаем заключить соглашение, о котором я много говорил вчера, с целью содействия недопущению воссоздания оружия. Мы предлагаем обязывающий договор, по нашему закону – международное обязательство имеет приоритет над внутренним, становится американским законом. Мы готовы будем взять обязательство поделиться с Советским Союзом технологией, если исследования в рамках СОИ выявят возможность создания такой оборонительной технологии. Мы считаем, что это окажет помощь в ликвидации ядерного оружия, если будет идти параллельно с устранением этих вооружений. Поймите меня, я не могу отойти от своих позиций, отказаться от того, что я обещал своему народу. Я серьезно настроен на то,

чтобы поделиться с Советским Союзом этой технологией. Вы видите, что, согласно нашей позиции, нет смысла рассматривать эту технологию в качестве угрозы. Ведь если она будет у всех, то никто не сможет угрожать друг другу. Эта система нужна и для защиты от угрозы с третьей стороны или от ядерного маньяка. Почему же мы не можем сделать это частью Договора по ПРО?

ШУЛЬЦ. Я хотел бы задать вопрос: когда Вы, господин Генеральный секретарь, говорите о полной ликвидации ядерного оружия, то Вы, насколько я понимаю, увязываете это с 10-летним периодом неиспользования права выхода из Договора по ПРО, то есть считаете ли Вы, что этот 10-летний период будет достаточен для полного устранения ядерного оружия? Если Вы имеете в виду такую увязку, то этот график даже опережает Ваш план по стратегическим вооружениям и силам промежуточной дальности. Вы считаете, что после 10 лет не должно остаться ни одной баллистической ракеты?

ГОРБАЧЕВ Я подтверждаю Заявление, которое я сделал 15 января 1986 года. Эти вопросы – 50-процентное сокращение СНВ и вопрос об РСД – относятся к первому этапу нашей программы. Следующие этапы предусматривают дальнейшее сокращение ядерного оружия с участием других ядерных держав. Но первые шаги – самые важные и решающие – главные ядерные державы должны сделать в течение 10 лет. От этого мы не отступаем. Но вот что нас беспокоит. Если мы хотим достижения договоренностей, – а в этом должны быть заинтересованы все, – то мы должны быть решительно заинтересованы в том, чтобы укреплять Договор по ПРО, консолидировать режим ПРО. Это так, если, конечно, нет каких-либо тайных замыслов. Советский Союз выступает за это. США же фактически хотят ослабить Договор по ПРО, пересмотреть его. Это у нас не укладывается в логику. Того, кто поступает таким образом, весь мир обвинит в попытках разработать широкомасштабную систему ПРО в собственных эгоистических целях. С такой позицией я не могу выступить перед своим народом, перед всем миром. Поэтому мы предлагаем усилить Договор по

ПРО, закрепив обязательство о неиспользовании в течение 10 лет права на выход из него при крупных одновременных сокращениях ядерного оружия. Если мы говорим о допустимости исследований по СОИ в рамках лабораторий, то делаем это, чтобы пойти навстречу Президенту, который связал себя соответствующим обязательством перед своим народом и перед миром. Мы даем ему возможность показать, что его идея жива, что мы ее не хороним, что США могут продолжать лабораторные работы по СОИ, но не выходить за рамки исследований. Что же касается ядерного маньяка, то с этим вопросом мы как-нибудь справимся и в рамках Договора по ПРО.

РЕЙГАН. Я в этом не уверен. И вообще, черт возьми, что за соглашение Вы защищаете? Договор по ПРО фактически позволяет каждой из сторон развернуть по 100 противоракет в одном месте, оставляя всю прочую территорию незащищенной. Наша задача сейчас – это угроза возмездия друг другу. Это – не защита в прямом смысле этого слова. Если мы согласимся на неиспользование в течение 10 лет права выхода из Договора, то мы фактически заставим мир еще 10 лет жить в страхе перед уничтожением в ядерном пламени. Я не понимаю очарования Договора по ПРО, когда фактически он означает взаимное гарантированное уничтожение. Мы ведем разговор о ликвидации ракет, о том, чтобы они не угрожали больше тем, что в один мрачный день кто-то нажмет кнопку – и всё будет уничтожено. Но даже, когда мы уничтожим эти ракеты, мы должны иметь защиту от других. Джинн уже выпущен из бутылки. Наступательное оружие может быть создано вновь. Поэтому я предлагаю создать охрану миру для будущих поколений, когда нас с Вами уже не будет.

ГОРБАЧЕВ. Господин Президент, вопрос о ПРО имеет большую и сложную историю. Эта идея, которая была оформлена в Договоре по ПРО 1972 года, возникла не случайно, не вдруг. Она была результатом многолетних дискуссий руководителей и экспертов США, Советского Союза, других стран. Они признали, что нельзя создавать широкомасштабную ПРО, – это подстегнет гонку стратегических наступательных вооружений. Если она будет

создана, то ни о каких решениях сократить ядерные вооружения не может быть и речи. **Вывод о том, что Договор по ПРО нужен как фундамент стратегической стабильности, последовал после долгих дискуссий. Я на отмену этого вывода никогда не пойду.**

Следующий пункт – вопрос о полном запрещении ядерных испытаний. Когда мы обдумывали наши предложения, то исходили и из учета озабоченности Президента США. В результате получилась формула, которая учитывает и наши, и ваши интересы, совмещает их. **Каков наш план? Мы могли бы дать поручение нашим представителям начать полнокровные переговоры о всеобщем прекращении ядерных испытаний. Во время их проведения каждая из сторон могла бы поступать так, как считает нужным, то есть и проводить ядерные взрывы.** Здесь мы старались учесть позиции американской стороны. На первом этапе переговоров могли бы быть обсуждены вопросы о пределе мощности взрывов, их количестве, обсуждены договоры 1974 и 1976 годов, вопросы контроля. Повторяю, **мы все время держали в поле зрения позицию американской стороны, старались совместить наши подходы.**

Что же мы слышали от Вас? В этих соображениях прозвучали только собственные интересы США. Вы предлагаете говорить о проблеме испытаний, но не о том, чтобы вести переговоры о полном запрещении испытаний. Согласитесь, что мы не можем принять соображения, учитывающие только интересы одной стороны. Мы подошли к такому этажу в наших беседах, когда американской стороне необходимо пойти нам навстречу в вопросах ПРО и ядерных испытаний. Важно, чтобы Вы определили, что подлинные интересы американской стороны лежат в нахождении взаимоприемлемых решений проблем. **Мне говорили, что Президент Рональд Рейган – это человек, который не любит уступать. Я теперь убедился в этом сам. Но как говорит американская пословица, «танго можно танцевать только вдвоем». И контроль над вооружениями, сокращение и ликвидацию ядерного оружия мы тоже можем осуществить**

только вдвоем. Наши национальные интересы не будут сохранены, если мы отойдем от учета интересов другой стороны. Поэтому я приглашаю Вас к мужскому танго, господин Президент.

РЕЙГАН. Если вспомнить историю, то станет понятно, почему США не хотят запрещения ядерных испытаний без создания должного контроля. В этом вопросе в свое время мы работали бок о бок. Было время, когда действовал мораторий на ядерные взрывы. Он был в силе в течение трех лет. Однако затем Советский Союз прервал мораторий и начал испытания с беспрецедентной интенсивностью. И тогда выяснилось, что Соединенные Штаты, которые соблюдали мораторий, оказались не готовыми к такому повороту событий. Наш Президент Кеннеди (*Кеннеди, Джон Фицджералд – 35-й Президент США в 1961-1963 годах*) заявил, что никогда больше США не дадут себя поймать в такой ситуации. Ведь Вы помните, что мораторий был начат при Эйзенхауэре (*Эйзенхауэр, Дуайт Дейвид – 34-й Президент США в 1953-1961 годах*), а закончился при Кеннеди. Нам тогда понадобилось очень долгое время, чтобы догнать Советский Союз и восстановить свои позиции, которые мы добровольно сдали. А Советский Союз использовал время действия моратория для подготовки к созданию новых типов ядерного оружия. Чтобы избежать повторения такой ситуации, нам нужно обеспечить надежный контроль. Сейчас эта работа не завершена. Вы говорите, что готовы пойти на соответствующий контроль. Мы готовы вам помочь, присоединиться к вам в этом. Но только после завершения выработки контроля мы будем готовы на прекращение испытаний. На этот счет есть хорошая пословица: «Обжегшись на молоке – дуют на воду».

В нашей вчерашней беседе мы пошли вам на уступку, согласившись записать формулу о том, что СССР и США начнут переговоры относительно ядерных испытаний, повестка дня которых должна включать остающиеся вопросы контроля, связанные с Договором. В процессе этих переговоров США и Советский Союз, наряду с постепенным, поэтапным сокращением ядерного оружия, будут двигаться к прекращению ядерных испытаний.

ГОРБАЧЕВ. Нам такая формула не подходит. **Мы предлагаем решить этот вопрос в пакете, то есть начать переговоры – полномасштабные переговоры – о запрещении ядерных испытаний.** На первом этапе этих переговоров мы могли бы обсудить вопросы контроля, судьбы договоров 1974 и 1976 годов, пороги и число взрывов, но наша цель должна состоять в том, чтобы выйти на прекращение всех ядерных взрывов. **Американская сторона, как мы видим, не хочет обозначать тему и цель переговоров. Она трактует их как бесконечные, а решение проблемы ядерных испытаний откладывает на десятилетия.** Нам неприемлемо использование переговоров в качестве прикрытия для США, которые хотят сохранить себе свободу рук, производить столько ядерных взрывов, сколько они хотят. У нас возникают сомнения в честности позиции США. Тут даже возникает озабоченность, что американская сторона замыслила что-то, что может нанести ущерб советской стороне. Надо ли в таких условиях вообще браться за весь пакет ликвидации ядерных вооружений, о чем же здесь договариваться? Ведь США ставят своей целью совершенствование ядерного оружия.

РЕЙГАН. Видимо, здесь возникло какое-то недопонимание. Мы предложили формулировку по-английски, но, очевидно, ее перевод на русский имеет другой смысл.

ГОРБАЧЕВ. Здесь дело не в словах. Вы знаете, что мы говорим о разных вещах.

РЕЙГАН. Нет, не думаю. Устроит Вас, если мы изменим свою формулировку и скажем, что США и Советский Союз начинают переговоры, конечная цель которых состоит в полном прекращении ядерных испытаний? Параллельно с этим США и Советский Союз проводили бы сокращение ядерных вооружений, причем эта деятельность проходила бы таким образом, чтобы совмещаться с сокращением и прекращением ядерных испытаний.

ГОРБАЧЕВ. Я не возражаю, чтобы наши эксперты посидели и выработали формулу. Главное, чтобы было ясно отражено, что СССР и США начинают переговоры о полном и всеобщем прекращении ядерных

**испытаний. Здесь должна быть исключена возможность каких-либо
обходных маневров. Полное запрещение испытаний как предмет
переговоров и право сторон проводить испытания в ходе переговоров.** В
ходе переговоров можно было бы решить вопросы контроля и все другие
составные части проблемы – пороги, договоры 1974 и 1976 годов, число
взрывов. Это на первом этапе. А на последующем этапе мы уже выходим
непосредственно на запрещение ядерных испытаний. Я говорю все это прямо
и открыто. Вопрос слишком серьезный, чтобы мы здесь пускались в какие-то
хитрости.

РЕЙГАН. Судя по тому, что Вы сейчас сказали, в основе всех проблем,
с которыми мы сталкиваемся, лежит ваше убеждение в том, что мы стремимся
получить себе какое-то преимущество, испытываем враждебность к вам и
даже имеем в виду какие-то враждебные действия по отношению к вам. Я
говорю об этом с сожалением, но должен Вас опровергнуть: это не так.
Никаких враждебных намерений мы к вам не испытываем. Мы признаем
различия между нашими системами, но считаем, что наши страны вполне
могут жить в мире как дружелюбные соперники. Я понимаю, что вы
испытываете недоверие к нам, так же, как мы испытываем недоверие к вам. Но
я убежден, что исторические факты на нашей стороне. Еще Карл Маркс
говорил...

ГОРБАЧЕВ. Ну вот, раньше Президент ссылался на Ленина, теперь
перешел на Маркса.

РЕЙГАН. Все, что говорил Маркс, говорил и Ленин. Маркс был первым,
а Ленин – его последователем. И оба они говорили, что для успеха социализма
необходимо, чтобы он победил во всем мире. Оба говорили, что единственная
нравственность – та, которая способствует социализму. И надо сказать, что все
руководители вашей страны, – кроме Вас, Вы такого еще не говорили, –
неоднократно заявляли публично, как правило на съездах партии, о своей
поддержке тезиса, согласно которому социализм должен стать всемирным,
охватить весь мир, превратиться в единое мировое коммунистическое

государство. Может быть, Вы еще не успели высказаться на этот счет или не верите в это, но Вы этого пока не говорили. Но ведь все остальные говорили это!

И как мы можем преодолеть недоверие к вам, если и во время Второй мировой войны, когда мы воевали вместе, вы не хотели разрешать бомбардировщикам союзников, взлетающим в Англии, делать посадку у вас в стране, чтобы затем совершать полет обратно.

А что произошло после окончания войны? Начиная с 1946 года мы 19 раз предлагали на различных международных конференциях ликвидировать ядерное оружие. Тогда мы были единственной страной, имевшей ядерное оружие. Но вы не захотели принять участие в осуществлении наших предложений. Спустя некоторое время СССР разместил ракеты на Кубе, в 19-ти милях от наших берегов.

Я мог бы продолжать, приводить другие примеры подобных шагов, подобной политики, которая свидетельствует о вашей убежденности во всемирной миссии социализма. Естественно, что это не может не вызывать у нас подозрения в том, что вы имеете враждебные намерения в отношении нас. У вас же нет фактов, свидетельствующих о том, что мы, наш народ, стремимся к войне. Не может быть ничего более неверного. Никто у нас не хочет, чтобы наш мир и свобода были нарушены войной. Уверен, что и ваш народ не хочет войны.

ГОРБАЧЕВ. Итак, Вы вновь говорите и Марксе и Ленине. Уже многие пытались ниспровергнуть этих основоположников известного течения общественной мысли. Никому этого не удалось сделать, и Вам не советую терять на это время.

Давайте лучше вспомним о чем мы с вами говорили раньше и, кажется, у нас было на этот счет единое мнение. **Мы признаем, что американский народ вправе избирать свою общественную систему, свои ценности. У нас же своя система, которая нам нравится, а кому-то – нет. Но каждый народ, все народы имеют право решать, как вести дела в своей стране, какое**

иметь правительство, какого избирать Президента. Уверен, что любой другой подход завел бы нас очень далеко. И поэтому я очень удивился, когда услышал, в преддверии встречи в Рейкьявике Вы в своих речах заявили, что остаетесь верными принципам, изложенным Вами в Вашей речи в Вестминстерском дворце. А в этой речи Вы говорили, что Советский Союз есть империя зла, призвали к крестовому походу против социализма с тем, чтобы отправить социализм на свалку истории. Это, скажу Вам, довольно страшная философия. Что она означает политически – воевать нам с вами?

РЕЙГАН. Нет.

ГОРБАЧЕВ. Но ведь именно это Вы сказали в качестве так сказать вступительного слова перед Рейкьявиком. Какой это намек мне? Я вообще-то не хотел об этом упоминать, но Вы первым стали говорить о подобного рода проблемах.

РЕЙГАН. Различие между нами всегда заключалось и заключается в том, что у нас в США есть коммунистическая партия, представители которой могут баллотироваться на выборах и даже занимают некоторые выборные посты, пропагандировать вашу философию, а у вас подобного нет. Вместо того, чтобы попытаться убедить людей в правильности ваших идей, вы навязываете эти идеи, и поэтому время от времени в «третьем мире» группы людей захватывают власть и коммунистическая партия получает на нее монополию. У нас в стране можно создать любую партию, она будет действовать законно, выставлять своих кандидатов. А у вас нет, скажем, демократической или республиканской партии, у вас одна партия, да и в ней меньшинство населения, ибо вы не даете большинству вступать в нее. В этом – наше различие. Мы считаем, что только сам народ может определять, какое правительство ему хочется иметь.

ГОРБАЧЕВ. Господин Президент, если Вы хотите провести такую широкую дискуссию по политическим, идеологическим, нравственным вопросам, то я готов к ней. И я хочу Вам сказать, что сказанное Вами очень далеко от истинного положения дел, свидетельствует об огромных различиях

в наших первоначальных концепциях. Но ведь мы, по-моему, с Вами согласны в том, что каждая из наших страны могут иметь свой политический строй, свои идеологические концепции, мы не посягаем на вашу религию и т. д. Поэтому не лучше ли прекратить этот спор и вернуться к вопросам, которые мы не завершили.

РЕЙГАН. Да, думаю, давайте вернемся к поиску формулировок.

ГОРБАЧЕВ. Я не хочу с Вами ссориться, уважаю Ваш независимый характер, Ваши взгляды и концепции. И я убежден, что **если у нас с Вами разные идеологические концепции, то ведь это не повод, чтобы нам стреляться. Наоборот, я убежден, что помимо политических отношений между нами возможны и чисто человеческие отношения.**

РЕЙГАН. Несомненно. И я даже хотел бы попытаться убедить Вас вступить в республиканскую партию.

ГОРБАЧЕВ. Идея интересная. Кстати, у нас в стране до революции, да и после нее было много политических партий. А сейчас действительно одна. Это результат определенного исторического процесса.

Давайте вернемся к формулировкам. Давайте посмотрим, нельзя ли найти что-то, что объединило бы наши позиции.

ШУЛЬЦ. Я думаю, что у нас есть начало заявления – это те формулировки, над которыми наши представители работали ночью и которые отражают договоренность по вопросу о стратегических вооружениях, в принципе достигнутую двумя руководителями. Думаю, что аналогичные формулировки могут быть найдены и в отношении ядерных вооружений промежуточной дальности. Что касается вопросов из области космоса, ПРО и СОИ, то здесь мы не пришли к договоренности, но провели, я думаю, полезное обсуждение.

ГОРБАЧЕВ. Может быть, мы запишем так: стороны признают и подтверждают режим бессрочного Договора по ПРО и обязуются строго соблюдать его положения.

ШУЛЬЦ. По этому вопросу мы не пришли к договоренности, однако мы в какой-то степени выявили характер и области наших разногласий. Мы попытались предложить формулировки по этой теме. Они не касаются вопроса о соблюдении Договора, – кстати, мы его полностью соблюдаем, – а затрагивают другие аспекты, в том числе временной и другие.

ГОРБАЧЕВ. Но ведь в контексте нашей договоренности о 50-процентном сокращении стратегических вооружений и сокращении ракет средней дальности просто напрашивается заявление сторон о том, что стороны будут строго соблюдать бессрочный Договор по ПРО.

ШЕВАРДНАДЗЕ. У меня есть вопрос. Ваш подход к вопросу о сроках невыхода из Договора остается в силе? Я понимаю, что мы и вы вкладываем разное содержание о том, что происходило бы в рамках срока, когда мы не пользовались бы правом выхода из Договора. Да и срок предлагается разный. Вы предлагаете 5 лет или 7 с половиной лет, а мы – 15 лет. Но вообще ваш подход – в силе?

ШУЛЬЦ. Президент предложил в своем письме двухэтапный подход к этому вопросу. И предложение Президента остается в силе.

ГОРБАЧЕВ. Итак, я понимаю, что вы соглашаетесь с 10-летним периодом?

ШУЛЬЦ. Мы предложили формулировки, которые позволили бы отразить создавшееся положение. Они касаются трех моментов. Мы предлагаем, чтобы два руководителя дали своим делегациям указания внимательно изучить следующие существенные вопросы с целью преодолеть существующие в настоящее время разногласия. Во-первых, это касается вопроса о том, каким образом изучение возможности создания перспективной стратегической обороны может быть синхронизовано с осуществлением нашей общей цели – ликвидацией баллистических ракет. Обе стороны говорят, что эти вопросы взаимосвязаны. Мы предлагаем более обстоятельно изучить этот вопрос. Во-вторых, это вопрос о том, при каких условиях и в рамках каких

сроков обе стороны могли бы рассмотреть возможность перехода к большему упору на стратегическую оборону.

ГОРБАЧЕВ. Мы знаем, что вы планируете развернуть СОИ. Но у нас таких планов нет. И мы не можем взять на себя обязательство относительно такого перехода. У нас иная концепция.

ШУЛЬЦ. Я хотел бы упомянуть и третий вопрос, который мы включили потому, что вы так акцентируете его. Он касается ситуации, которая существовала бы до тех пор, пока указанные выше условия не были бы осуществлены. Вопрос следующий: какое общее понимание могут достичь стороны относительно ограничений, накладываемых Договором по ПРО на деятельность, относящуюся к созданию перспективной стратегической обороны?

Президент заявил Вам и всему миру, что он не откажется от программы СОИ. Вы с этим не согласны. Но, как я понимаю, Вы признаете его проблему и то, что он стремится пойти навстречу Вашей озабоченности.

ГОРБАЧЕВ. А я считаю, что я даже помогаю Президенту по СОИ. Ведь у вас говорят, что если Горбачев так нападает на СОИ и на космическое оружие, то значит эта идея заслуживает большего уважения. Даже говорят, что если бы не я, то к этой идее вообще не прислушивались бы. А кое-кто утверждает даже, что я хочу таким образом втянуть США в ненужные расходы. Но если правы первые, то я в этом вопросе – с вами, а вы не оценили этого.

РЕЙГАН. Но на кой черт будет ПРО или что-то иное, если мы ликвидируем ядерное оружие?

ГОРБАЧЕВ. Совершенно верно. Я – за это. Но дело в том, что по Договору по ПРО стороны не имеют широкомасштабной противоракетной обороны, а вы хотите развернуть такую оборону.

РЕЙГАН. Но какая во всем этом разница, если не будет ядерного оружия? Какая разница – будет она или нет?

С другой стороны, мы ведь и в этом случае не сможем гарантировать, что в какой-то момент кто-то не начнет снова делать ядерное оружие?

ГОРБАЧЕВ. Господин Президент, Вы только что сказали историческую фразу: на кой черт будет СОИ, если мы ликвидируем ядерное оружие. Но **именно потому, что мы приступаем к сокращению и ликвидации ядерного оружия, я и выступаю за укрепление Договора по ПРО. В этих условиях он становится еще более важным.** Что же касается Ваших аргументов на счет какого-то сумасшедшего, который решит прибегнуть к ядерному оружию, то эту проблему, я думаю, мы сможем решить, она не такая уж серьезная.

РЕЙГАН. Видимо, дело в том, что я самый старший среди присутствующих. И я помню, что после войны государства решили, что они отказываются от отравляющих газов. Но, слава богу, противогаз продолжает существовать. Нечто подобное может произойти и в отношении ядерного оружия. И на всякий случай у нас будет щит против него.

ГОРБАЧЕВ. Я все больше убеждаюсь, в том, о чем раньше знал понаслышке. Президент США не любит уступать. Я вижу теперь, что Вы не хотите пойти нам навстречу в вопросе о Договоре по ПРО, что совершенно необходимо в условиях, когда мы идем на большие сокращения ядерных вооружений, не хотите начинать переговоры по прекращению ядерных испытаний. Так что я вижу, что возможности договоренности исчерпаны.

РЕЙГАН. Мне кажется, что у нас есть согласие по вопросу о ядерных испытаниях.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Я все же хотел вернуться к вопросу о Договоре по ПРО. Может быть, мы сумеем отодвинуть в сторону некоторые, я бы сказал, идеологические вопросы и договориться о том, чтобы обозначить сроки, в течение которых стороны не будут пользоваться своим правом выхода из Договора.

ГОРБАЧЕВ. **Мне кажется совершенно аксиоматичным, что если стороны идут на глубокие сокращения ядерных вооружений, то**

необходима обстановка уверенности, а для этого обязательно надо ужесточить режим Договора по ПРО.

ШЕВАРДНАДЗЕ. И назвать сроки его обязательного соблюдения.

ГОРБАЧЕВ. Если мы договоримся о том, чтобы такой срок составлял 10 лет, то на протяжении этого периода можно провести крупные сокращения ядерных потенциалов.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Это принципиальный вопрос, ибо если у нас не будет договоренности о сроках невыхода из Договора, то не будет и договоренности по ядерным вооружениям. Тогда получается, что мы ни о чем не договорились.

ГОРБАЧЕВ. Я предложил определенный пакет и прошу рассматривать его как таковой.

РЕЙГАН. Я не думаю, что должна устанавливаться увязка между сокращением и ликвидацией ядерных вооружений и Договором, который лишь ограничивает оборону против таких вооружений. Кстати, мы полагаем, что вы нарушаете этот Договор. Вы создали больше, чем то что разрешается по нему. В то время, как мы полностью соблюдаем его, и даже не создали того, что разрешено по Договору.

ГОРБАЧЕВ. Итак, по двум вопросам мы с вами имеем сейчас общую позицию. По другим провели интересный обмен мнениями, но к единому мнению не пришли. Думаю, мы можем на этом закончить нашу встречу. Все же она была не напрасной. Пусть она не дала тех результатов, которых ожидали в Советском Союзе и США, которых ожидал я, но приходится считаться с реальностями. **А реальность заключается в том, что сегодня мы не можем выработать согласованные предложения по этим вопросам. Мы с вами говорили о возможности крупных сокращений ядерного оружия; но если не будет ясности о судьбе Договора по ПРО, то тогда вся концепция рушится и мы возвращаемся к ситуации, которая была до Рейкьявика.**

Может быть, Вы об этом и сообщите Конгрессу, а мы – Политбюро и Верховному Совету. Думаю, мир не остановится, события будут развиваться,

не останутся и наши отношения. Но нам не удастся воспользоваться нынешним шансом придать сильные импульсы в главных областях наших отношений.

РЕЙГАН. Мне казалось, что у нас есть договоренность о 50-процентном сокращении и о ракетах промежуточной дальности. Кроме того, мы можем продолжать обсуждение вопроса о ПРО и об ограничении испытаний. В этом вопросе мы считаем, что по мере сокращения ядерных вооружений мы пришли бы к прекращению ядерных испытаний. Разве это не так? Разве мы должны будем уезжать ни с чем?

ГОРБАЧЕВ. Фактически, к сожалению, да. У нас, конечно, еще не обсуждались гуманитарные вопросы, может быть, поговорим о них? Кроме того, региональные проблемы, в общем проблемы, которые обсуждала вторая рабочая группа.

РЕЙГАН. Да, как я понимаю, эта группа согласовала предложения, которые нам переданы:

«Рассмотрев положение дел в ряде важных областей двустороннего советско-американского сотрудничества, Генеральный секретарь ЦК КПСС и Президент США согласились поручить министрам иностранных дел придать дополнительный импульс обоюдным усилиям по достижению договоренностей там, где в позициях двух стран имеется общая основа. В число таких областей входят: нераспространение ядерного оружия, создание центров по уменьшению ядерной опасности, укрепление безопасности ядерной энергетики, мирное использование космического пространства, борьба с международным терроризмом, международное сотрудничество в области термоядерного синтеза.

Обсуждались также гуманитарные проблемы и вопросы прав человека. Стороны изложили свои соответствующие позиции и выразили готовность продолжать обмен мнениями по этим вопросам.

Руководители двух стран обсудили региональные проблемы, в том числе и их влияние на отношения между СССР и США. Стороны высказались в

поддержку мирного политического урегулирования региональных конфликтов. Они поручили министрам иностранных дел продолжить и расширить диалог по этим проблемам.

Стороны согласились о следующем:

- продолжить регулярные консультации по вопросу о нераспространении ядерного оружия;

- начать в ближайшее время переговоры об учреждении в Москве и Вашингтоне национальных центров по уменьшению ядерной опасности и об их функциях;

- продолжить двусторонние контакты в рамках МАГАТЭ, нацеленные на то, чтобы содействовать деятельности Агентства по обеспечению безопасности развития ядерной энергетики;

- интенсифицировать на двусторонней и многосторонней основе практические усилия по налаживанию сотрудничества в освоении перспективного источника энергии – термоядерного синтеза. Дать инструкции своим экспертам встретиться не позднее 1 ноября с. г. для рассмотрения результатов изучения каждой стороной возможности сотрудничества в этой области и обсуждения последующих шагов;

- дать инструкции своим делегациям разработать и подготовить к подписанию текст межправительственного соглашения о сотрудничестве в мирном освоении космоса;

- договориться не позднее 20 октября с. г. о сроках и месте проведения предварительных обсуждений относительно заключения или перезаключения соглашения по транспорту и, возможно, по энергетике и фундаментальным наукам, а также договоренностей по поиску и спасанию на море и о сотрудничестве в области радионавигации;

- обсудить конкретные возможности сотрудничества на двусторонней основе, а также участия в международных мероприятиях, направленных на ликвидацию всех форм терроризма, на обеспечение безопасности наземных,

воздушных и морских коммуникаций; проводить двусторонние консультации в целях предотвращения террористических актов;

- решить практические вопросы, связанные с открытием генеральных консульств сторон соответственно в Нью-Йорке и Киеве;

- дать инструкции своим делегациям ускорить работу по достижению взаимоприемлемой договоренности относительно линии разграничения морских пространств в Северном Ледовитом и Тихом океанах, а также Чукотском и Беринговом морях;

- дать указания свои представителям разработать общие позиции по приданию статуса соглашения имеющейся договоренности относительно поисково-спасательной системы КОСПАС/САРСАТ;

- решить по дипломатическим каналам вопрос о создании комиссии по рассмотрению двусторонних вопросов;

- определить практическую возможность обсуждения гуманитарных вопросов в рамках ведущихся между двумя странами консультаций на уровне экспертов».

Здесь, правда, ничего не сказано об одном вопросе – правах человека. Я не хочу предъявлять Вам каких-то требований относительно воссоединения семей, эмиграции, положения верующих и т. д. Но я хотел бы, чтобы Вы поняли, что это – принципиально важный фактор в определении того, в какой мере мы сможем с вами сотрудничать в важных областях. Наше общественное мнение, в силу этнических корней нашего народа, придает тому огромное значение, и это реальность, с которой необходимо считаться. Поэтому у нас вызывает такую озабоченность замедление темпов эмиграции. Мы передаем Вам список лиц, которые, как нам известно, выразили желание эмигрировать, но не получили разрешение. Мы надеемся, что вы смягчите ограничения. Мы не будем хвастаться, что мы этого добились, а лишь благодарим Вас за такое решение.

ГОРБАЧЕВ. Жаль, господин Президент, у нас с вами недостаточно времени, чтобы обсудить гуманитарные вопросы. У нас есть на этот счет

конкретные идеи, которые мы просто не успеваем обсудить. Должен сказать, что в Советском Союзе имеется немалая озабоченность по поводу положения с правами человека в США. Есть еще одна важная тема. Речь идет о важности в наше время взаимной информации. Ситуация сейчас такая: радиостанция «Голос Америки» ведет круглосуточные передачи на многих языках со станций, имеющих у вас в различных странах Европы и Азии, а мы не можем изложить американскому народу нашу точку зрения. Поэтому в целях равенства нам приходится глушить передачи «Голоса Америки». Я предлагаю следующее: мы прекратим глушение «Голоса Америки», и вы сможете вещать на нас все, что считаете нужным, но и вы пойдете навстречу нам, чтобы мы могли арендовать у вас или в соседних странах радиостанции, которые позволят нам доводить до американского народа нашу точку зрения.

РЕЙГАН. Различие между нами в том, что мы признаем свободу печати, право людей выслушать любую точку зрения. В вашей прессе этого нет. Вот сегодня у Вас будет пресс-конференция, и американцы увидят ее, газеты опубликуют ее текст. У вас в стране не так. Ваша система предусматривает лишь правительственную прессу.

ГОРБАЧЕВ. Но я задал конкретный вопрос, предложил, что мы можем прекратить глушение «Голоса Америки», если вы пойдете навстречу нам, дадите нам возможность арендовать у вас радиостанцию или арендовать или построить станцию у ваших соседей.

РЕЙГАН. Я проконсультируюсь об этом по возвращении в США, и я займу благоприятную позицию.

ГОРБАЧЕВ. Мы вообще за равенство. Вот в области информации, например, или кино. Чуть ли не половина фильмов, которые идут на нашем экране – американские. А США советских фильмов практически не показывают. Это неравенство.

РЕЙГАН. У нас нет запрета на ваши фильмы. Киноиндустрия – свободный бизнес, и если кто-то хочет показывать ваши фильмы, он может это сделать.

ГОРБАЧЕВ. Я вижу, Президент уходит от этого вопроса в разговоры о бизнесе.

РЕЙГАН. Наше правительство не может контролировать кинорынок. Если вы хотите наводнить его вашими кинофильмами – пожалуйста. Как наши фильмы попадают к вам в страну – я не знаю.

ГОРБАЧЕВ. Интересная ситуация, прямо-таки парадокс: в вашей, самой демократической стране возникают преграды на пути наших фильмов, а у нас, в тоталитарной стране, чуть ли не половина фильмов на экране – американские. Как это согласуется: Советский Союз – недемократическая страна, но ваши фильмы у нас идут.

РЕЙГАН. Между частным предпринимательством и правительственной собственностью существует различие. У вас частного предпринимательства нет, все принадлежит правительству, правительство выпускает все на рынок. В США – частная индустрия, и другие страны имеют право продавать свои товары, фильмы и т. д. Вы вправе создать у нас прокатную организацию для распространения ваших фильмов, арендовать какой-нибудь кинотеатр, но приказать – не можем.

ГОРБАЧЕВ. Еще один вопрос. Недавно между СССР и США было два телемоста. Один – с участием общественности Ленинграда, Копенгагена и Бостона, другой – с участием советских и американских врачей. У нас их смотрели 150 миллионов человек, а в США их не показали.

РЕЙГАН. Я могу ответить только одно: вашему правительству принадлежат кинотеатры и т. п., вы в них показываете что хотите. А наше правительство не может соперничать с частным бизнесом.

Но хочу Вам сказать, что ваши исполнительские коллективы, такие, как Ленинградский балет, привлекают в США огромное количество публики, их также показывают по телевизору. Но если вы хотите показать что-то еще – пожалуйста, у нас есть прокатные фирмы, кинотеатры, которые показывают иностранные фильмы.

ГОРБАЧЕВ. Господин Президент, у нас немало претензий к США. Вот последний вопрос. Уже 30 лет вы не разрешаете нашим профсоюзным деятелям въезд в США. Господин Шульц просто не дает им визы. Где здесь равенство? Ведь ваши профсоюзные деятели приезжают, имеют в СССР интересные профессиональные контакты, встречаются с рабочими. А вы наших людей не пускаете, они в вашей, такой уверенной в себе стране рассматриваются как подрывные элементы.

РЕЙГАН. Я хотел бы с этим разобраться. Может быть, у меня будут какие-то предложения по проблеме кино, которую Вы упомянули.

ГОРБАЧЕВ. Хорошо.

РЕЙГАН. Еще об одном. Не могу вернуться домой и ничего не сказать нашим фермерам по вопросу, который для них так важен: почему вы не выполнили свое обязательство относительно закупок у нас зерна?

ГОРБАЧЕВ. Все очень просто. Вы можете им сказать, что деньги, на которые русские могли бы купить зерно, оказались в США и в Саудовской Аравии из-за резкого падения цен на нефть. Так что деньги эти уже в США.

РЕЙГАН. В США нефтяной бизнес сильно пострадал от падения цен на нефть. Пострадали многие страны из-за действий ОПЕК.

ГОРБАЧЕВ. Нам все известно. Мы знаем, кто начал этот процесс сбивания цен на нефть, кому это выгодно.

РЕЙГАН. Все дело в том, что в большинстве стран мира нефтяная промышленность является частной, а в странах ОПЕК – принадлежит правительствам. Они хотят господствовать на рынке, а других – прогнать с него. Поэтому они и прибегают к таким действиям.

У меня еще один вопрос. Я получил письмо от известного виолончелиста, вашего бывшего гражданина М. Ростроповича¹ В него он

¹ *Ростропович Мстислав Леопольдович, 1927 – 2007, – выдающийся советский и российский виолончелист, дирижер, народный артист СССР, с 1974 года жил с семьёй за рубежом; в 1978 году был лишён гражданства СССР, в 1990 году восстановлен в советском гражданстве.*

вложил копию письма, направленного Вам и посланного обычной почтой. Вы его, видимо, не получили. Он просит Вас содействовать в выезде на 2 месяца на Запад его сестры и брата, с тем чтобы они могли участвовать в праздновании его юбилея.

ГОРБАЧЕВ. Я читал это письмо и передал его соответствующим органам с просьбой содействовать родственникам Ростроповича в выезде на его юбилей. Думаю, что этот вопрос к настоящему времени решен.

РЕЙГАН. Вот видите, у Вас есть своя бюрократия, так же, как и у меня. Во всяком случае, он не получил ответа.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Его родственникам известно, что выезд им разрешен.

ГОРБАЧЕВ. Я помню его письмо. Он еще там приписал, что, мол, не знает, дойдет оно до меня или нет.

Что ж, господин Президент, наступает час икс». Что Вы будете делать?

ШУЛЬЦ. Я тут попытался написать текст, который отражает то, о чем мы договорились – по стратегическим вооружениям и ракетам промежуточной дальности, и наши разногласия по вопросам космоса и ПРО. В этой области я предлагаю записать: Президент и Генеральный секретарь обсудили вопросы, касающиеся Договора по ПРО, перспективной стратегической обороны и ее соотношение с уровнями наступательных баллистических ракет. Обсуждение было интенсивным и обстоятельным. Они поручают своим делегациям в Женеве использовать материалы их дискуссии в интересах продвижения работы.

ГОРБАЧЕВ. Это для нас неприемлемо. Что вы еще хотите записать?

ШУЛЬЦ. Еще по вопросу о ракетах промежуточной дальности.

ГОРБАЧЕВ. Но по этому вопросу все ясно.

ШУЛЬЦ. Но договоренность надо изложить.

ГОРБАЧЕВ. Может быть, если Президент не возражает, мы объявим перерыв на 1-2 часа и тем временем, может быть, наши министры попробуют что-либо предложить. Думаю, мы можем с Вами немного задержаться. Мы ведь не хотим, чтобы все кончилось демонстративно.

ШУЛЬЦ. Думаю, по вопросу о ядерных испытаниях мы сможем договориться, найти какую-то формулу.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Мне тоже так кажется. Но главное – нужно принципиальное решение относительно срока невыхода из Договора по ПРО.

ГОРБАЧЕВ. Исключительно важно подтвердить Договор по ПРО. Тогда будет обоснованным тот риск, на который мы идем в вопросах о стратегических вооружениях и РСД. Итак, если Президент не возражает, мы сделаем перерыв до 15.00.

*Журнал «Мировая экономика и международные отношения». 1993.
№ 7. С. 88-104.*